

— Мои рисунки — лишь пустяшная забава, недостойная благородного собрания.

Услышав такую оценку, Гу Сяодун удивился. По лицу Сэньцина было видно: это не притворная скромность, а искреннее, глубокое пренебрежение к собственному труду.

— Тебе не нравится рисовать? — спросил Сяодун. — Но у тебя ведь так чудесно получается! Я прямо чувствую, сколько радости в твоих картинах.

— Не нравится. И никакой радости это не приносит, — ответил Гу Цзиньюй, уклоняясь от его взгляда. Он достал из лакированной коробки пиалу и поставил перед юношей. — Да и пишу я скверно. Среди моих ровесников мастеров кисти пруд пруди. Если со временем тебе доведётся встретиться с ними, ты поймёшь, что я самый заурядный подмастерье.

В глазах Гу Сяодуна светилось столь искреннее, жаркое восхищение, что Цзиньюй это пришлось не по душе. Скорее даже, этот невинный свет подспудно его пугал.

— Что будет потом — поглядим, а сейчас для меня ты самый лучший, — Сяодун бережно обхватил ладонями приземистую фарфоровую пиалу. — Ты учишь столько всего... Голова кругом не идёт?

— А ты? — спросил в ответ Цзиньюй. — В поместье тебе наверняка тоже назначили кучу уроков. Привыкаешь понемногу?

Сяодун покачал головой с самым простодушным видом:

— Терпеть не могу эти занятия. Но деваться некуда, приходится приспосабливаться. Когда становится совсем тоскливо, я начинаю мечтать обо всём на свете, думаю о вас и о том, как хочется подружиться поближе. С такими мыслями и уроки даются легче.

— И ты совсем не держишь на меня обиды, когда вспоминаешь?

Сяодун рассмеялся:

— Цзиньюй, ты как будто спишь и видишь, чтобы я тебя возненавидел! А мне казалось, все хотят нравиться окружающим. Вот я, например, очень хочу заслужить твою симпатию. Чтобы ты относился ко мне так же тепло, как я к тебе.

Цзиньюй достал последнюю пиалу. Горячий фарфор обжёг подушечки пальцев. Он задумчиво разглядывал собеседника, пытаясь понять: то ли этот юноша от природы так глупо-доверчив и расточает чувства направо и налево, то ли его притворство достигло вершин мастерства.

— Ого, неужели на двоих положено столько блюд? — внимание Сяодуна тут же переключилось.

— Представляю, какой пир горой сейчас у второй сестры и третьего брата! Цзиньюй, постой, не открывай крышки, я сам! Буду угадывать по запаху!

Он задорно зажмурился, смешно пошевелил в воздухе пальцами и принялся осторожно приподнимать крышки пиал одну за другой. Втягивая носом ароматный пар, он увлечённо предался своей нехитрой игре.

Цзиньюй молчал, наблюдая за ним. Сяодуну, похоже, и вовсе не требовалось его участие — он прекрасно развлекал себя сам. Весь ужин превратился в сплошную забаву: юноша сначала играл, потом ел с отменным аппетитом, и это быющее через край легкомысленное веселье не давало Цзиньюю сосредоточиться.

Покончив с едой и умывшись, Сяодун придвинул свой стул вплотную к Цзиньюю. Его любопытство и жажда общения казались неиссякаемыми. Он так и сыпал нелепыми, по-детски наивными вопросами, и чаще всего интересовался тем, счастлив ли тот или иной человек в их доме.

Эти расспросы казались Цзиньюю до крайности глупыми, отчего и его ответы звучали на редкость неловко.

— Цзиньюй, а почему ты назвал своего кречета Догоревшим Фитилем? Я знаю, что «хуацзинь» — это когда на фитиле нагорает цветок, сулящий добрую весть. Так красиво и благозвучно! И смотри: я — Сяодун, Маленький Фонарик, а твоя птица — Догоревший Фитиль. Нас сама судьба связала!

Цзиньюй на мгновение лишился дара речи. В этой нелепой логике действительно крылось какое-то странное совпадение, но от слов «твоя птица» у него прямо-таки вяли уши.

Сяодун увлечённо принялся рассказывать про своего жеребчика по кличке Лёгкий Бег, а потом вспомнил о знакомстве с Гэ Дунчэнем и Гуань Юньцзи:

— Судя по тому, как они расспрашивали о тебе, они твои близкие друзья? Этот господин Гуань такой гордец... вылитый важный гусь!

Сяодун вскочил со стула и принялся уморительно изображать манеры Гуань Юньцзи — как тот выступает, как надменно косится на окружающих. Получилось на удивление точно.

На губах Цзиньюя промелькнула улыбка — на этот раз вполне искренняя.

Конечно, никакими друзьями они не были. Так, два сапога пара.

— А вот брат Дунчэнь совсем другой, — продолжал щебетать Сяодун. — Душа на распашку, так и сыплет шутками. Он мне очень понравился!

Веселье в глазах Цзиньюя мгновенно угасло. Слушая восторженные излияния Сяодуна о том, как Гэ Дунчэнь катал его на лошади, он лишь утвердился в мысли: привязанности этого мальчишки на редкость дешёвы и безрассудны.

Он молча наблюдал за ним холодным взглядом. Дождавшись, когда болтун наконец сделает передышку, чтобы перевести дух, Цзиньюй протянул ему чашку с водой и негромко произнёс:

— С отпрысками других знатных семей тебе, конечно, придётся общаться. Но держись настороже. Не заводи с ними близкой дружбы.

Сяодун отпил сладкой воды. Слегка надув щёки, он невнятно пробормотал:

— М-м? Это ещё почему?

— Влиятельные кланы слишком долго враждуют друг с другом. Даже их детям приходится взвешивать каждое слово и соблюдать дистанцию.

— Но ведь наши ровесники совсем юные! Нам всем едва за десять лет перевалило. Зачем нам тащить на себе груз чужих обид и раздоров, в которых виноваты старшие?

Цзиньюй на секунду умолк, устремив на него тяжёлый взгляд.

— Разве в твоём прежнем мире, в цзянху, не принято платить по долгам отцов? Таковы законы этого мира. Не будь их, ни тебе, ни Чжан Дэнцину не пришлось бы тащиться сюда за тысячами.

Сяодун обхватил чашку обеими руками и принялся смущённо перебирать пальцами.

— У нас были и другие причины... Хотя ты, пожалуй, прав. Где люди, там и склоки. Я и сам видел, как ссора двоих разрастается до вражды между семьями, а потом захватывает целые деревни. В книгах пишут, будто старые обиды можно забыть, лишь раз улыбнувшись друг другу при встрече. Но в жизни так почти не бывает. Чаще люди лишь вздыхают: «Ох, и когда же прервётся эта череда мести?» Вот и ты почему-то хочешь, чтобы я тебя ненавидел. А я просто мечтаю поладить с тобой. Чтобы мы могли вот так сидеть, болтать и ни о чём не тревожиться.

Цзиньюй промолчал. Лишь мгновение спустя на его губах появилась едва заметная, горькая усмешка:

— В Чанло есть только один ты, Сяодун. А вот таких, как я, здесь пруд пруди.

Сяодун растерянно моргнул. Он поспешно вложил свою чашку в ладонь Цзиньюя и сжал его длинные пальцы своими ладошками:

— Ну что за глупости! Цзиньюй — это Цзиньюй. Никто не сможет занять твоё место, и ты никого не заменишь.

От Цзиньюя веяло тем самым леденящим, удушливым отчаянием, какое Сяодун почувствовал в Праздник Середины года, когда тот тонул в пруду. Мальчик покрепче сжал его руку:

— Цзиньюй, я ведь ничего не знаю об этих столичных дрызгах. Расскажи мне, пожалуйста, из-за чего все так ненавидят друг друга?

Цзиньюй опустил взгляд, разглядывая зыбкое отражение на поверхности воды. Когда же он вновь поднял глаза, на его лице не осталось и следа уязвимости. Он мягко улыбнулся, вновь перехватывая инициативу в разговоре:

— Хорошо. Я и сам собирался тебя предупредить. Вряд ли кто-то ещё в этом доме решится посвятить тебя в тайны столичных семей. Отец не снисходит до объяснений, матушка ревностно оберегает свои печали, а у сестры с братом и без того забот полон рот. Лишь я один остаюсь в стороне от этих бурь. Если ты начнёшь расспрашивать их, они замкнутся в себе, и ты покажешься им ещё более назойливым.

Поразмыслив, Сяодун согласился. Родные и без того обходили его стороной, так с какой стати ему лезть к ним с расспросами? Настроение его слегка увяло, и он виновато почесал затылок:

— Тогда я буду обо всём спрашивать только тебя.

Именно этого Цзиньюй и добивался — стать его единственным проводником в этом мире. Он склонился к самому уху юноши и зашептал:

— Сяодун, слушай меня внимательно. Впредь держись подальше от Гэ Дунчэня, а вот с Гуань Юньцзи, наоборот, старайся ладить. Между Гуань и нашим кланом идёт обычная политическая игра, а вот клан Гэ — заклятые враги Ань, семьи нашей матушки. Это глубокая тайна нашего поместья. Знай о ней, но никогда не упоминай вслух.

Сяодун вздрогнул, потрясённый услышанным:

— Враги? Что же между ними стряслось?

— Больше двадцать лет назад на клан Ань состряпали ложный донос. Всего за несколько дней их поместье разграбили, а выживших отправили в ссылку. Матушка и её младший брат оказались в числе немногих уцелевших, — голос Цзиньюя журчал у самого уха Сяодуна, точно ядовитый туман. — Позже отец помог ей провести тайное расследование. Оказалось, что за тем роковым доносом стоял именно клан Гэ.

— И неужели нельзя восстановить справедливость?

— Император наотрез отказался признать невиновность Ань. Он посчитал, что пересмотр приговора и наказание виновных бросят тень на его собственное величие. К тому же Южные земли постоянно полыхают, и государству нужны полководцы из рода Гэ. Поэтому правитель просто велел обеим сторонам забыть былые обиды и помириться.

Сяодун возмущённо выдохнул:

— И это повелитель Поднебесной? Какая низость!

— Вся земля под небесами принадлежит императору. При мне ты можешь ругаться сколько душе угодно, но за порогом этой комнаты держи язык за зубами.

Пусть прячет эти мысли глубоко внутри. Пусть они гложут его, отравляя кровь. Под великолепными черепичными крышами поместья Гу каждый должен страдать сполна.

С какой стати этому мальчишке сиять чистым светом, когда вокруг царит непроглядная тьма?

— Вот и матушка все эти годы копит яд в душе. Она не может в открытую отомстить тем, кто стёр её род с лица земли. Ей даже запрещено вслух упоминать о несправедливости. Приходится натягивать фальшивую улыбку и притворяться благожелательной. И каждую осень, когда наступает день поминовения её предков, она тяжело заболевает от невыплаканных слёз. С Гэ Дунчэнем я поддерживаю лишь видимость знакомства, а вот с Юньцзи общаюсь теснее. Тебе стоит поступать так же.

У Сяодуна защипало в глазах.

— Понимаю... А когда этот день поминовения? Матушка сильно страдает во время болезни?

— В конце ноября, — голос Цзиньюя дрогнул от притворной печали, хотя взгляд оставался ледяным. — Болезнь сжигает её без остатка.

Сердце Сяодуна сжалось от жалости:

— Если в этом году она снова сляжет, я хочу быть рядом и ухаживать за ней. Я умею ходить за больными — мой приёмный отец часто хворал, и я всегда помогал ему лекарствами...

Цзиньюй согласно кивнул, хотя отлично понимал: если этот незванный приёмыш явится к постели Ань Жои, её состояние лишь усугубится. Она ведь терпеть его не могла, и эта неприязнь со временем лишь крепла.

Он продолжил неторопливо излагать хитросплетения столичной политики, мешая правду с вымыслом. Вдруг Сяодун перебил его:

— Цзиньюй, раз уж мы заговорили о дяде... Брат Дэнцин разузнал для меня, что дядя женат на второй дочери из клана Су. Получается, у нас с ними нет никаких разногласий?

Цзиньюй незаметно прищурился, изучая его реакцию:

— Верно. Клань Гу, Су и Ань сейчас ладят. Однако у старшего наследника Су, Су Миньши, с рождения слабая грудь, он страдает одышкой и постоянно чахнет. Если тебе случится гостить у них, обходи его стороной. Он хрупок как хрусталь, родные трясутся над ним и при малейшей опасности готовы обвинить любого, кто окажется рядом.

Сяодун сочувственно кивнул.

Ночь уже полностью вступила в свои права. Цзиньюй закончил рассказ и собрался было уложить этого простофилю спать, но Сяодун вдруг уцепился за его рукав:

— Цзиньюй, а что ты знаешь о нашей старшей сестре?

Почувствовав тяжесть на рукаве, Цзиньюй бросил быстрый взгляд на дверь и склонил голову ближе к Сяодуну:

— Три года назад она покинула Срединные равнины. Её выдали замуж за чужеземца за Великой стеной — по сути, отправили в вечное изгнание. Сяодун, никогда, слышишь, никогда не заговаривай о ней при родителях. Ты ведь заметил, что в нашем доме её имя под строжайшим запретом?

— Из-за того, что им больно её вспоминать? — в голосе Сяодуна вновь послышались слезы. — Ведь северные степи так далеко от государства Цзинь. Должно быть, для неё это всё равно что оказаться на краю света.

— Нет, не из-за боли. Из-за гнева.

Сяодун растерянно моргнул, не понимая.

— Границы нашего государства никогда не знали покоя, — принялся терпеливо объяснять Цзиньюй. — Особенно неистовы варвары в Северных и Южных землях. Нынешний император дорожит казной и армией, а потому держит войска лишь на южных рубежах, предпочитая покупать мир у северных кочевников, Племени Жун. Но наш отец — князь Чжэньбэй, Хранитель Севера. Наш род всегда требовал войны с Северными Жун, презирая уступки. Имя твоего третьего брата, Пинханя, означает «Покоритель Ханьчжоу». Ханьчжоу — пограничная область, поделённая надвое между нами и кочевниками, и мы до сих пор не можем отбить её целиком.

Он старался говорить просто, чтобы этот простофиля уловил суть.

— В юности нашу старшую сестру отправили во дворец в качестве придворной девы. Но прибывшие в столицу послы Северных Жун заприметили её и потребовали отдать в жёны их вождю ради скрепления мира. Император с радостью согласился. Отец не мог перечить воле владыки, но для нашего дома этот союз стал несмываемым позором. Мы, защитники севера, отдали свою дочь врагам. С тех пор родители вычеркнули её из своего сердца, лишив всякой жалости.

Сяодун больше не мог сдерживаться. Слезы брызнули из его глаз, он заговорил, захлёбываясь от плача:

— Но почему? В чём же её вина? Она ведь совсем ничего плохого не сделала!

«В том, что родилась в нашей семье», — мысленно усмехнулся Цзиньюй.

Он протянул ладонь, ловя горячие капли, сбегавшие по щекам Сяодуна. Растирая их между пальцами и упиваясь этим чужим теплом, он с холодной усмешкой произнёс:

— Дети всегда платят по долгам отцов, а простой народ — по долгам государства.

Чужое горе ранило Сяодуна в самое сердце. Он зарыдал взахлёб, ткнулся лбом в плечо Цзиньюй и крепко обнял его, сотрясаясь от плача.

Цзиньюй не стал обнимать его в ответ. Он замер неподвижно, словно каменное изваяние, и лишь прикрыл глаза, жадно вслушиваясь в эти искренние рыдания.

Ему было сладостно.

И безумно любопытно.

«Какая глупая, сентиментальная душа. Какая-то безвестная брошенная сестра, с которой он даже не знаком, заставила его проливать столько слёз».

«Интересно, как горько он будет выть, когда дело коснётся его названного брата?»

Заснув в слезах, Сяодун проснулся лишь на рассвете, когда первые лучи солнца залили комнату. Сон унёс с собой вчерашние горести.

Цзиньюй уступил ему ложе у дальней стены, отгородив его изящной двенадцатистворчатой ширмой. Она была расписана стремительной каллиграфией в стиле цаошу, и каждый иероглиф

на ней был выведен рукой самого Гу Пинхяня.

Сквозь полупрозрачный шёлк струился мягкий утренний свет. Написанные тушью знаки казались живыми — они изгибались подобно летящим драконам, готовым вот-вот сорваться с полотна.

Сяодун ничего не смыслил в каллиграфии, но всё равно заворожённо застыл перед ширмой. Даже не умея читать этот сложный почерк, он чувствовал скрытую в мазках кисти безудержную силу.

Налюбовавшись, он обогнул препятствие, намереваясь расспросить Цзиньюя, но постель того оказалась пуста. Одеяло и подушка были аккуратно прибраны.

Решив, что брат поднялся ни свет ни заря по важным делам, Сяодун потянулся. Тотчас в покои вереницей потянулись слуги. Одни несли тазы для умывания, другие накрывали на стол завтрак. От такого навязчивого внимания юноша растерялся.

Он обратился к ближнему слуге:

— Послушай, а ты не знаешь, куда так рано ушёл четвёртый молодой господин?

Тот почтительно склонил голову:

— Отвечаю молодому господину: вчера поздно вечером четвёртого молодого господина вызвал к себе князь. С тех пор он ещё не возвращался.

Разговор с суровым отцом явно затянулся. Сяодун не стал докучать расспросами, но обилие слуг продолжало тяготить его:

— Мне не нужно столько прислуги. Где управляющий Чжу? И позовите Чжан Дэнцина. Мне будет вполне достаточно их двоих.

Слуга ответил бесстрастным тоном:

— Управляющего Чжу князь также перевёл на другие обязанности. Что же касается названного вами Чжан Дэнцина... ваш покорный слуга никогда о нём не слышал. В нашем поместье нет человека с таким именем.

— Ну что за шутки с утра пораньше, — рассмеялся Сяодун. — Он приехал вместе со мной. Вчера он весь день крутился рядом, вы просто не могли его не заметить!

Но слуга лишь ровно повторил, даже не моргнув:

— Прошу прощения, молодой господин. Но мне этот человек неизвестен, и никто из прислуги его здесь не видел.

В груди Сяодуна шевельнулось нехорошее предчувствие. Он быстро повернулся к пробежавшей мимо служанке, чьё лицо казалось ему знакомым, и спросил о Дэнцине. Та лишь испуганно покачала головой и повторила слово в слово то же самое.

Почуввав неладное, Сяодун рванулся к дверям, но слуги и служанки разом упали на колени, перекрывая выход и смыкаясь вокруг него плотным живым кольцом.

Хором, точно заученную молитву, они произнесли:

— Сегодня день рождения наследного княжича. Просим молодого господина оставаться в своих покоях и не тревожить благородных гостей.

— Ладно, — голос Сяодуна дрогнул от нарастающей паники. — Я никуда не пойду. Только приведите ко мне Чжан Дэнцина!

Но слуги ответили ему ледяным, непреклонным хором:

— Молодой господин, никто из нас не знает человека по имени Чжан Дэнцин. Его здесь нет.

<http://bllate.org/book/20609/2131078>